

И. В. КЕТКОВА

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ С. И. АРХАНГЕЛЬСКОГО И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

В статье представлен обзор методологических и методических приемов С.И. Архангельского в изучении аграрного законодательства Английской революции. Показана доказываемая необходимость учета трудов Архангельского в современных штудиях по истории Английской революции.

Ключевые слова: *С.И. Архангельский, А.Н. Савин, Английская революция, аграрный вопрос, законодательство, методология истории, локальный метод.*

Исследовательская мысль С.И. Архангельского охватывала многие области исторического знания – проблемы западноевропейской медиэвистики, новистики, методологии истории, краеведения. Но главный его труд – две монографии по истории аграрного законодательства периода Английской революции¹. Если рассматривать данные работы в ретроспекции, с позиций современного исторического знания, то можно наблюдать интересный феномен перехода познавательной парадигмы. При этом источниковая база, ставшая впоследствии неким стандартом для англоведов-«новистов», расширилась незначительно.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы сопоставить содержание названных работ с контекстом проблем, на которых фокусируется взгляд современных историков. Сегодня эпицентром внимания стал вопрос о самом предмете исторической науки. Поставленный под сомнение П. Рикером² метод редуцирования к одному основанию, может быть оправдан с точки зрения опыта и логики исторического процесса. В качестве такой матрицы выступает человек и его деятельность во всем многообразии и объеме его социальных, духовных и предметных связей, что не противоречит формированию плюралистических моделей и их эволюции, отражающей развитие социальной практики.

Исторический материализм сравнительно долго детерминировал деятельность человека ее предметностью, а культурное измерение находилось на дальней периферии. История ментальности, ставшая новым движением научной мысли, переориентировала изучение общества с преимущественно экономических и социальных катаклизмов на осмыс-

¹ *Архангельский. 1935; 1940.*

² *Рикёр. 1998.*

ление духовного начала в интерпретации исторического памятника³. Отдельные исследователи стали искать образы истории в завуалированном смысле переживаний автора⁴. Появилась категория «понимающей истории», требующей интердисциплинарного подхода, ориентированного на анализ сознания, духа, психологии человека как познаваемого объекта исторического исследования, так же как и самого познающего⁵.

Как известно, категория «понимание» в качестве инструмента познания применительно к гуманитарным дисциплинам родилась еще в начале XX в. в связи с появлением концепции «понимающей психологии», «понимающей социологии» Дильтея и противостояла она объясняющей модели естественных наук. Историография «критического поворота» абсорбировала это понятие, чтобы подчеркнуть индивидуально-духовное начало. Ферро ищет образы истории даже не в сознательной сфере, а в том, что остается на заднем плане действий и чувств людей⁶. Естественно напрашивается вопрос: если познавательную модель свести к двучлену субъект–объект, то не получим ли мы в результате мифологизированное знание. К.В. Хвостова и В.К. Финн указывают на необходимость включения еще одного звена: субъект–знание–объект. Это предполагает подключение логических оснований исторического знания, логическую систематизацию, уточнение идей, превращаемых в понятия. Иначе – объяснение. Кстати, данная посылка не имеет принципиальных расхождений с подходом Рикёра, убежденного в том, что образы истории требуют прочтения, расшифровки, интерпретации, не упуская при этом смысла, который не постигается эмпирически, а требует спекулятивных, умоглядных средств. Отсюда необходимость включения логического основания в рамках «объяснительной» модели.

В ходе обсуждения путей образования теоретического знания обозначилась проблема его формализации и практической задачи логики. Как представляется, значение диалектической логики далеко не исчерпано. Понятие общего, целого и эмпирически конкретного играет ключевую роль при процедуре анализа. Теоретическое обобщение и конкретное не соотносятся как абстрактная схема и эмпирия. Если трактовать абстракцию как неполное, а потому ущербное проявление конкретного, то целостность необходимо признать атрибутом именно конкретно-всеобщего. Постигание общего возможно только посредст-

³ Гуревич. 1989. С. 76

⁴ Фуко. 1994. С. 470.

⁵ Про. 2000. С. 8.

⁶ Калимонов, Марьин. 2010. С. 275.

вом познания конкретного. Данный принцип положен в основу локального метода С.И. Архангельского.

В англоязычной историографии теоретическая проблема общего и особенного была развернута на примере локального и национального взаимодействия в ходе Английской революции, при этом непризнание за революцией буржуазного характера стало почти общим местом. Это соотношение тенденций стало центральным положением в дискуссиях 1980-х гг.⁷ Оппоненты локалистов опровергали универсальность тезиса об обусловленности действий политических группировок только местными интересами. Полемика по этому вопросу имела результативное завершение в том смысле, что обогатило модель революции новыми подходами к определению характера революции⁸. Наметилось сближение позиций неоконсервативной и неолиберальной мысли. Оформился т.н. «новый консенсус» и общая платформа аналитических приемов и подходов к оценке революции. Эти положения можно суммировать:

1. Этапы революции рассматриваются как отдельные революции.
2. Отрицаются социально-экономические предпосылки и классовый характер, хотя сдвиги в этой области определили форму конфликта.
3. Отмечен как парадокс революции консерватизм парламентской идеологии и «революционность» инициатив в области финансового управления и церковных дел.
4. Отвергаются территориально географические факторы при размежевании политических лагерей.
5. Результаты оцениваются как несущественные.

Таким образом, имеется компендиум проблем современной историографии, которые можно рассматривать как некий «вызов» классической работе С.И. Архангельского, опубликованной почти 75 лет назад.

Сопоставляя факты биографии Сергея Ивановича, можно видеть, как складывались его научные интересы, реализованные в трудах по аграрной истории Англии. Архивные данные свидетельствуют, что Архангельский, оказавшись в 1907 г. с красным дипломом Московского университета на родине в Нижнем Новгороде, пережил все перипетии становления гуманитарного образования после 1917 г. Он возглавил кафедру истории в Педагогическом институте в самые трагические годы разрухи, гражданской войны, голода. Но главное – преподавание истории Запада тогда было сведено к минимуму. В этих условиях исследовательская натура молодого ученого искала выход в изучении материалов

⁷ What was the English Revolution?. 1984. P. 20–24.

⁸ Ретина. 1991. С. 70.

по аграрной истории из фондов местного архива. Появилось много его научных публикаций, сделанных в лучших традициях отечественной исторической школы. И вдруг неожиданно в 1926 г. начинается его переписка с библиотеками и ведомствами, в частности, с Комиссией содействия ученым по поводу поиска, пересылки и покупки за рубежом серийных изданий документов и специальной литературы, касающихся аграрной истории Английской революции. Нельзя игнорировать и факт первого издания «Лекций по истории Английской революции» А.Н. Савина в 1924 г. Стало очевидным, что исследование аграрного законодательства Английской революции представляет собой сплошную лакуну не только в отечественной, но и в западной историографии.

Работа Архангельского заслуживает внимания не только с точки зрения новизны ее источниковой базы, но и как концептуально осмысленный подход. Его труды создавались на платформе марксистской методологии. В историографии сложилось представление о данной модели как о сугубо экономической; несомненно, сказалось и влияние конъюнктурно воспринятого марксизма через призму идеологии. Между тем, приращение теоретического знания всегда идет не через простое отрицание, но через такое преодоление предыдущей модели, которое включает ее рациональное «зерно». Смещение фокуса к культурно-цивилизационным проблемам не означает отказа от осмысления социально-экономической сферы. Современные историки выделяют эту сторону как одну из важнейших в изучении исторических событий, среди симптомов, свидетельствующих о переломном моменте⁹.

Изучение узловых проблем революции через оптику аграрного законодательства, как следует из трудов Архангельского, возможно только в контексте сложных связей общества и государства, а также внутри самой общественной структуры. Законодательство материализует сферу правосознания и менталитета, если иметь в виду человеческие реакции, представления о том, что является правомерным, согласно закону или традиции, обычаю. Все это входит в пространство политической и общей культуры. На макроуровне содержание аграрного законодательства, может быть представлено однозначно как секвестр земли, имеющей разные владельческие титулы и переход ее к новым собственникам. Тогда можно было бы ограничиться фиксацией статистической картины перемещения земли из рук в руки. Это, само по себе, требовало высокого профессионализма, о чем свидетельствуют приведенные таблицы. Но у Архангельского разбор каждого законопроекта сопровождается богатей-

⁹ Калимонов, Марьин. 2010. С. 277.

шим материалом исторической конкретики, далеко выходящим за рамки экономики. Борьба за проекты законов в обеих палатах парламента, политические размежевания и компромиссы, мотивация и персонификация политических интересов, механизмы реализации и правоприменение непосредственным образом затрагивали положение всех слоев общества. Абстрактная модель данного переворота выглядела бы как сосредоточение земли в руках государства, затем перераспределение ее через продажу или пожалования. Если среди новых собственников оказываются «денежные люди», инвестирующие капитал, то феодальной системе наносится удар, отсюда вывод о буржуазном характере революции.

Данная схема далека от исторической реальности – свидетельствует автор. Начать с того, что государственные деятели не ставили целью аграрный переворот. Политиками руководила необходимость сбора средств для армии, сложившаяся в независимую от их воли объективную логику социальных отношений. «Продукт» данной политики был сохранен не только на всех этапах революции, но не пострадал и в перипетиях борьбы в годы реставрации монархии и Славной революции.

Интересно наблюдать, как само явление секвестра наполняется новым содержанием. Используемый задолго до событий революции как средство пополнения казны, секвестр имущества, начиная с 1643 г., разветвляется в весьма неоднозначный политический, экономический, культурно-исторический процесс. Анализ перемещения земли позволяет автору буквально сканировать социальную жизнь в самых разных срезах. Принимая первые указы о секвестре в парламенте, его сторонники и противники не задавались целью обсуждать и тем более проводить в жизнь акты, готовящие аграрный переворот. Политическое сознание и политическая воля были сосредоточены на близлежащей задаче разгрома королевских войск. Однако по мере реализации аграрных законов, внедрения в обиход новых распоряжений и все большего охвата действующих лиц аграрные законы обретают другую логику.

Ситуация требовала уточнения норм правоприменения. Старое право в условиях гражданской войны нуждалось в корректировке. Известно, что протестантизм воспитывал почтительное отношение к закону, но не исключал насилия, если государство или церковь предъявляют требования, противные совести протестанта. Эти настроения чутко улавливали политики. Приподнятый тон инструкций, сопровождающих указы о секвестре, призван был убедить сомневающихся в намерении властей водворить мир, правосудие, возобновить силу старых законов¹⁰.

¹⁰ Архангельский. 1935. С. 63.

Пуританизм как воплощение всех этих добрых начал был противопоставлен остаткам католицизма в лице епископата. Отсюда моральное оправдание секвестра епископских имуществ. На первых порах секвестр не носит тотального характера. Столкновения между Общинами и Лордами по поводу деталей законопроектов нередко заканчиваются компромиссом за счет уступок со стороны нижней палаты¹¹. Чтобы придать гуманный оттенок репрессивным мерам, был принят указ о льготах для членов семей, оставшихся без материальной поддержки, правда, через два года его отменили. Не последняя роль принадлежала стремлению вызвать сочувствие у налогоплательщиков: «Бремя и бедствия, вызванные неестественной войной парламента и короля, – говорится в одной из инструкций, – теперь перекадываются с плеч благонамеренных подданных на плечи делинквентов»¹². Исключение из секвестра составили земли держателей, чьи доходы не превышали 200 фунтов в год.

Под пером исследователя видно, как меняется значение и смысл введенных в оборот понятий, как преломляется в сознании восприятие одних и тех же событий. Характерна трансформация термина «делинквент». В указах 1643 и 1644 гг. его содержание подразумевало роялистские настроения и участие в войне на стороне короля. Но по мере обострения борьбы и углубления процесса секвестирования делинквент осмысливается не только как политический противник, «изменник», но как представитель другого социального слоя с другим пониманием его места в обществе, традиционного отношения к власти. Парламент разрабатывает новые документы, позволяющие умножить признаки преступления и тем самым расширить права секвестаторов. Разрешался взлом замков и запоров, преследование укрывателей делинквентов. Первый и самый сокрушительный удар был нанесен епископату. Он был уничтожен как институт церковного и политического значения¹³.

Ожесточение в ходе конфликта неизбежно оборачивается актами насилия и разрушения. Автор ссылается на многие петиции в парламент, где потерпевшая сторона приводит примеры разоренных усадеб, разграблений домашней обстановки, угон скота, вырубки лесов. Широко распространена практика доносов, когда сводились личные счеты и «денежные люди» оказывались в одних списках с делинквентами. Парламент вынужден был создать специальный комитет по жалобам, документы которого были в распоряжении Архангельского. И, тем не менее,

¹¹ *Архангельский*. 1935. С. 79.

¹² *Архангельский*. 1935. С. 65.

¹³ *Архангельский*. 1940. С. 54–57.

когда автор составил таблицу секвестированных земель по графствам, оказалось, что эти земли расположены, по преимуществу, на севере, в зоне наиболее прочно сложившихся феодальных порядков¹⁴.

Секвестирование провело глубокую борозду не только в хозяйственной жизни сельской Англии. Процедура секвестра стимулировала деятельность парламента, усложняя его функции. Это еще один концептуальный узел в изучении революции. Регулятивная роль государства возрастает благодаря институализации в виде специальных комитетов, комиссий и других органов, ведущих документацию по секвестру в каждом графстве. Потребовались отряды переписчиков и их взаимодействие с местными властями в лице шерифов и мировых судей. Все делопроизводство стекалось в Лондон, а в графствах указы доводились до народа через широкую публикацию. Частная переписка показывает, какими темпами разворачивалась мобилизация земли на местах. Все это заставляет поставить под сомнение аргументацию тех историков, кто указывает на исключительно рутинный, традиционный характер процедуры секвестра и отсутствие кардинальных последствий аграрных законов.

Представление об усложнении функций и институтов власти будет неполным, если не обратить внимание на то, в чьих руках находился механизм принятия решений по аграрному вопросу. Секвестр может служить тонким инструментом анализа жизненно важных процессов в сельской Англии. Архангельский оговаривается, что в его «лаборатории» подчас отсутствуют сведения о конкретных участниках парламентских решений, но он решает эту проблему через осмысление отраженных интересов, позволяющих спроецировать социальный портрет автора того или иного маневра в ходе секвестра¹⁵.

Изменения особенно заметны при поступательном движении от одного этапа революции к другому. Если в начале 1640-х гг. аграрное законодательство выстраивалось под влиянием денежного человека столицы и союзника из рядов джентри, а также суконщиков и купцов, то в 1647 и 1648 гг. движущей силой стала армия, которая в лице своего командного состава предъявляла запрос на уплату задолженности и искала земельных гарантий. Она направляла процесс в интересах других слоев населения, пришедших на смену обладателям провинциального капитала в форме старинных монополий и привилегированных компаний. Эта враждебность коммерческому консорциуму, готовому на компромисс с феодальной знатью, отразилась в новых проектах и предло-

¹⁴ Архангельский. 1935. С. 302–303.

¹⁵ Архангельский. 1940. С. 132.

жениях, требующих точно установить сумму долгов государства, определить списки делинквентов и оценку их владений, чтобы реально покрыть первые последними. Подвижность и усложнение социальной структуры создавались не только за счет вытеснения совокупности старых связей и отношений, но и в результате проникновения в поры старого порядка новых элементов и их взаимодействия.

Республика 1649 года с победившей партией индипендентов у власти унаследовала от предшествующего режима значительный фонд секвестированных земель. Но если Долгий парламент не шел решительно на распродажу имущества делинквентов, предпочитая сдачу ее в аренду государству или получение штрафов, то к моменту смены режима наметился поворот к интенсификации процедуры продажи земли. Это потребовало внести изменения в структуру аппарата управления секвестром. Руководящим органом в центре становится Комитет по композициям, а комиссары по секвестру обратились в местный орган. Перенос центра тяжести на уровень представителей местной власти всколыхнул провинциальную жизнь, дав ощущение причастности к общенациональным проблемам. Новый аппарат правоприменения стал более гибким в условиях экономического кризиса 1650-х гг., задолженности перед армией, тяжелого положения держательской массы.

Главный смысл аграрных преобразований открывается, когда автор препарировывает эмпирический материал, связанный с дальнейшей судьбой секвестированных имуществ. Лишь системное рассмотрение (как в синхронных, так и диахронных связях) феномена переходного состояния английского общества позволило Архангельскому поставить комплексно вопрос о новых владельцах земли, об изменении условий держания, о поведенческой реакции с обеих сторон, о новых явлениях правосознания и отношения к ломающимся традициям и обычаям. Нужно хорошо представлять структуру английского землепользования, чтобы оценить результат проделанной Архангельским работы. Особенность состояла в том, что лорд манора жил за счет ренты держателей, представляющих сложно градуированную систему отношений.

Все попытки реформировать гражданское право, отягощенное противоречиями двух систем – общего права и обычного манориального – и сделать его более рациональным закончились провалом. Однако ордонанс об отмене рыцарского держания, превративший феодальную собственность в свободный сокаж общего права, т.е. в современную буржуазную собственность, неизменно получал подтверждение на всех этапах революции. Архангельский отследил все перипетии формирования, обсуждения и утверждения ордонанса и показал социальный смысл его

неравноценности для низших разрядов крестьян. Правовой статус держания почти не изменился за время революции в отличие от состава держательского корпуса и размеров ренты. Так, на копигольде оставались феодальные платежи, однако копигольд мог взять в аренду и лорд соседнего манора. Даже распроданные секвестированные земли оформлялись посредством сделки в рамках старого манориального права. Архангельский подчеркивает, что ничего похожего на гражданское право складывающегося буржуазного общества, на право частной собственности в духе французского гражданского кодекса, однородного по своему юридическому смыслу, в Англии создано не было¹⁶. Работа Архангельского позволяет уловить в исторической канве событий амбивалентность явлений и смыслов, такие превращенные формы социальной жизни, которые не могут быть объяснены с помощью абстрактной схемы. Он противопоставил чисто юридическому мышлению в истолковании актов внутреннюю логику законодательства и конкретно-исторические формы его воздействия на структуру общественных отношений.

Убедительные иллюстрации показывают идентичность правового статуса прежних и новых владельцев земли в отношении собственности. Последние так же получали доходы с держателей, распоряжались ими по своему усмотрению, могли распродавать или сдавать землю в аренду. В 1640-е гг. парламент пытался направлять практику мобилизации земли, однако Лорды и Общины по разному видели содержание начавшегося процесса. Общины в результате внутренней борьбы склонялись в сторону решения о продаже. Лорды приводили контрдоводы настолько убедительные, что Нижняя палата готова была к компромиссу.

Буквально накануне провозглашения республики, когда сама судьба Верхней палаты была уже предрешена, к ней обращались с последней надеждой, как видно из многочисленных жалоб, носители высоких титулов, теряющих не только землю, но и сам образ жизни, обычаи, свое положение в обществе. Архангельский обращает внимание на значимость событий в графствах и малых городах. Чем больше изучается местная история гражданской войны, – пишет он, – тем более очевидными делаются пережитки феодальных традиций и феодальные чувства. Палате жалуются на попрание прерогатив лордов, на изгнание их из насиженных гнезд, на разорение отрядами воюющих сторон. При этом члены Высшей палаты ссылаются на законы страны, по которым владения и личность пэров должны быть защищены от всяких покушений. Альтернатива, предложенная Общинами, состояла в том, чтобы пере-

¹⁶ Архангельский. 1940. С. 133.

дать землю в руки сторонников парламента, обеспечив доходы государству, «обрезание» повинностей в пользу короля.

Но процесс превращения земли в товар уже выходил из-под контроля. На примере распоряжения епископскими землями хорошо видно, кто становится опекунами их имуществ. Среди них, например, лорд-мэр Лондона и четыре олдермена. Владельческие титулы отличались большим многообразием, землю держали и от короля, и от частных лиц. Опекуны по новому законодательству могли отчуждать землю, а права передавать покупателю. Таким образом, контракт сделки предусматривал отчуждение, продажу, сдачу в аренду, т.е. как право владения, так и право использования и распоряжения. Порой практика обгоняла законодателей. Парламентские документы, широко используемые Архангельским, демонстрируют всю палитру оттенков в сталкивающихся интересах. Разногласия возникали и по вопросу оценки земли. Общины завышали стоимость и чаще одерживали верх. А с мест шли сигналы о вакханалии нарушений всяких законов. Земли делинквентов укрывались от секвестра, расхищались, распределялись между родственниками.

В 1650-е гг. симбиоз новой формы собственности и старых владельческих титулов в рамках манориальной юстиции также сохранялся, создавая причудливые формы хозяйственной жизни. Комиссары по секвестру были одновременно судьями в манорах, что облегчало их работу по применению актов центральной власти. Как известно, правительство республики оставило в неприкосновенности те феодальные порядки, которые касались, прежде всего, держателей-крестьян.

Но где в законодательстве было заложено такое «устройство», которое придавало ускорение переменам в английской деревне? Архангельский видит его в актах, касающихся положения среднего и мелкого держателя. Условия его держания становятся хуже, в итоге он нередко теряет землю, которая становится частью укрупненной единицы землеуладения. Это достигается, полагает Архангельский, тремя путями: проверкой прав держателей, изменением сроков аренды, увеличением арендной платы. Комиссары и переписчики пользовались правом вызывать к себе держателей с тем, чтобы они доказали свои права на владение (да еще и с ссылкой на архивные документы), допрашивать под присягой о ренте, цене и юрисдикции того или иного держания. В обязанность шерифа входила помощь при проведении данной процедуры, и на чьей стороне он мог оказаться в конфликтной ситуации, совершенно очевидно. Архангельский воспользовался образцово составленной описью из фонда Комитета по композициям, которая позволила заглянуть в

подлинное лицо английской деревенской жизни «вне того вуалирования действительности, какое создает чисто юридический документ». Он проследил отметки о продаже и покупке земли с 1649 г. по 1655 г. и свел эти данные в выразительную таблицу. Среди покупателей самая большая группа представлена лондонскими купцами, а держатели имеют всего 3,62 %. Между ними располагаются аристократия и дворянство, офицеры, чиновники, кредиторы и богатые люди, арендаторы. Было подмечено, что в английской деревне почти не прибегали к коллективным скупкам земли, в отличие от опыта французской революции.

Аренда получила добавочный импульс благодаря тому, что на купленных землях новые владельцы именно ее предпочитали как способ получения дохода. Комитеты графств, от которых зависела сдача земли в аренду, обычно выступали проводниками новых условий аренды с более высокой платой. Аренда даже больше, чем частная собственность на землю, оказалась приспособлена к рынку. Все это позволило Архангельскому с помощью аграрного законодательства выстроить иерархию сельского населения. Старинные арендаторы, бывшие фермерами на данной земле в течение нескольких поколений, искали защиту в судах, ссылаясь на обычай, но, как правило, проигрывали судебные тяжбы и тогда начинали открытую войну.

Автор придал новый ракурс теме, рассмотрев проблему оппозиции законодательству, как в верхах, преимущественно в Палате лордов, так и среди широких слоев держателей¹⁷. Но и высшие органы республиканской власти в вопросе о защите прав держателей уступили оппозиции. Ни один законопроект, предусматривающий защиту прав копигольдеров и лизгольдеров, «утесняемых злодеями лордами», и запрет на произвольные поборы со стороны лорда манора, так и не стал биллем. Традиция и обычай сплотили старых и новых землевладельцев в их противостоянии держательской массе. Однако последние также воспользовались этим оружием. Судебные тяжбы, которые пришлось разбирать Комитету по композициям, свидетельствуют о том, что в споре против новой рыночной ренты крестьяне постоянно ссылались на давность своих прав обрабатывать и орошать данный надел, а также пользоваться общинными выгонами и лесами.

Исследованию крестьянских движений Англии 1640-50-х гг. Архангельский посвятил последнюю свою монографию, опубликованную в 1960 г. уже после его кончины¹⁸.

¹⁷ Архангельский. 1935. С. 259.

¹⁸ Архангельский. 1960.

В историографической преемственности исследования демократических движений в период Английской революции Архангельскому принадлежит своя ниша. Он обратился к проблеме крестьянских выступлений спустя много лет после того, как в своих предыдущих монографиях выделил крестьянско-плебейскую альтернативу аграрному законодательству. Предопределенность протеста низов всем ходом аграрных преобразований очевидна, хотя правительство реагировало на аграрные беспорядки немногочисленными актами. Более удобным инструментом контроля за общественным движением выступали местные власти в лице мировых судей, шерифов, констэблей, различных комитетов, созданных в годы революции. Располагая свидетельствами на уровне местной истории, Архангельский имел возможность сопоставить оба уровня политического восприятия проблемы. Дело в том, что жалобы, имеющие отношение к землеустройству, нередко попадали на рассмотрение высшего суда, какой была палата лордов до ее ликвидации. Архангельский опирался на «Журналы» верхней и нижней палаты, публикации их архивов Исторической комиссией рукописей, документы «комитетов по соглашению». Особенно много для наблюдения настроений, раздумий, переживаний дали петиции, жалобы, памфлеты.

Ученый видел возможность объективного познания в профессиональном подходе к источнику, когда показания одних памятников дополняются и контролируются через свидетельства других. Его исходная концептуальная позиция остается неизменной во всех работах – рассматривать аграрное законодательство и аграрное движение в контексте общего хода революции и местных условий, в рамках которых они действовали. В результате Архангельский раскрыл суть перемен, когда естественным процессам в английской деревне, которые проходили задолго до революции, была придана динамика с помощью механизмов, прописанных в аграрном законодательстве. Историк нарисовал стереоскопическую картину английской провинции. Английское общество представлено как переходное состояние социальной системы в условиях критических подвижек. Новые формы социальных сочленений существуют рядом с осколками старых отношений, которые, мимикрируя, создают превращенные формы. Эта разноуровневая общественная структура не могла быть «втиснута» в формулу гомогенных классов. Однако нельзя не заметить отдельных уступок социологической схеме. Фразы типа «буржуазия, победившая феодализм» не согласуются с общим контекстом работ Архангельского, хотя постулат о буржуазном характере революции как магистральной тенденции сложного процесса вполне органичен для логики его исследования.

На примере трудов Архангельского мы имеем возможность убедиться в том, что смена исторической эпистемы диктуется не столько конъюнктурными соображениями, «модой», сколько характером исторического движения. Переход реализуется эволюционно и на почве, созданной предыдущим развитием исторического знания.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архангельский С.И.* Аграрное законодательство Английской революции. 1643–1648. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1935. 301 с.
- Архангельский С.И.* Аграрное законодательство Английской революции. 1649–1660. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1940. 275 с.
- Архангельский С.И.* Крестьянские движения в Англии в 40–50-х годах XVII века. М.: Издательство АН СССР, 1960. 284 с.
- Гуревич А.Я.* Проблема ментальности в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1, М.: Наука, 1989. С. 75–89.
- Калимонов И.К., Марьин П.Ю.* Марк Ферро и школа "Анналов": поиск теоретико-методологической базы исторических исследований // Британская ойкумена российской новистики. Казань: Казанский университет, 2010.
- Про А.* Двенадцать уроков по истории. М.: РГГУ, 2000. 355 с.
- Ретина Л.П.* От спора о джентри к "новому консенсусу". Неолиберальные и неоконсервативные концепции Английской революции (обзор) // Р.С. Английская революция середины XVII века: К 350-летию. М., 1991. С. 39–83.
- Рикёр П.* Время и рассказ. Т.1. Интрига и исторический рассказ. М.: Университетская книга, 1998. 313 с.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 404 с.
- Хвостова К.М., Финн В.К.* Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований М.: РГГУ, 1997. 255 с.
- What was the English Revolution? Debat: Morrill J., Manning B., Underdaun D. // History today. L. 1984/ Vol. 34. No 3.
- Кеткова Ида Владимировна**, кандидат исторических наук, доцент, Нижний Новгород; ket@unn.ru